

Оригинал здесь: http://krzizanovskij.narod.ru/Hor_m.htm

*Ай, Черное море, хорошее море
Э.Багрицкий*

І

Стрелка вокзальных часов, дернувшись, показала четыре пятьдесят. Поезд медлительным ядром выскальзывает из стеклянного жерла Брянского вокзала. Пассажиры моего вагона меняют верхние полки на нижние, заказывают постель, спорят о том, открыть или закрыть окна, а если открыть, то справа или слева. Проводник отбирает билеты: завернутые в бумажные простыньки плацкарт, они ложатся вглубь коричневых мешков его вагонной книги, а пассажиры, хотя солнцу еще далеко до заката, начинают спускать спальные полки и громоздиться на деревянных насестах.

Мы не отъехали от Москвы еще и десятка километров, а я уже отделил, может быть, приблизительно, москвичей, едущих в Одессу, от одесситов, возвращающихся восвояси. Первые говорят: Одесса. Вторые: Одэсса.

Входит старший проводник. Он произносит краткое и убедительное слово о том, что для плевков имеются плевательницы, а что мусорный ящик, в конце вагона, предназначен только для мусора, и исключительно для мусора, и ни для чего другого. Солнце гаснет. На потолке вспыхивают электрические лампы. В проходе вагона торчат плоские задки туфель, каблуки сапог и обтянутые чулками пятки. Я успел увидеть не то два, не то три сна. Просыпаюсь от остановки. С левой верхней полки: "Это что за станция?" - с правой: "Черезбрянск".

Утром редко-редко березки. Все больше сосны и дубняк. Потом притиснутые к земле кусты. Потом степь. Кто-то, вытянув голову и шею из окна, говорит: Одесса. Да, Одесса. Навстречу мчатся зеленые пальцы уксусного дерева, надгородная пыль и каменные тычки гор. Перрон. И сразу разительная разница между о т к у д а и к у д а. В Москве на трех уезжающих - один провожающий, а здесь, в Одессе, на одного приезжающего - трое встречающих.

Вот я и мои чемоданы на трамвае номер восемнадцать. Мы с чемоданами сразу же попадаем в совершенно новый лексический мир. Оказывается, что: вагоновожатый не вагоновожатый, а "ватман"; кондукторша - "кондуктрисса"; ролик, или токосниматель, как называет его техника, - "бигель"; управляющий трамвайным движением - "лоцман зализницы". На стене трама висят объявления и плакаты: одно о том, что "До зупинки" нельзя вставать, другое о том, что "Лучше встать на пятнадцать минут раньше, чем рисковать своей ЖИЗНЬЮ".

Мой сосед, вероятно москвич, спрашивает смеясь: "Ну, а если я еду на десять минут езды, то выходит, что надо раньше встать, чем сесть". Он же: "Удивительный город Одесса, вот видите там объявление - "Зубной кабинет ликувания" - казалось бы, зубы болят, чего тут ликовать, а ликуют".

Трамвай, вычертив кривую, поворачивает к Фонтанам. Проезжаем мимо Куликова Поля. Вот здесь, за зеленоватым скучным домом жил катаевский Петя с "Канатной улицы" угол "Куликова Поля".

На шестнадцатой станции пересаживаюсь на девятнадцатый номер. Это скрипучая дряхлая клеть, еле-еле ворочающая своими колесами. На Фонтане так и говорят: лучше на одиннадцатом (разумей - на своих двоих), чем на девятнадцатом. Трамвай, отскрежеhtaв две-три станции, останавливается. С передней площадки просовывается лицо и стальная рукоять вагоновожатого - ватмана. Голос среди публики: "Току нет?" Ответ ватмана: "На нас хватит". Едем дальше. На белых камнях прифонтанских дач мелькают имена и слова: "Врач Парижер" - "Здесь продают утков, цыплев и яйцо" - "Зубной врач Капун". Раз или два слева блеснула голубая чешуя моря и снова рыжие холмы, пористый, вырастающий в стены и дома, одесский ракушняк, прибитые ветром к земле кусты и бестолочь камней, разбросанных по дороге.

Приехали. Станция Ковалевская. Навстречу бежит лохматый пес Шарик (здесь все псы на тридцать верст вправо и влево - Шарики), он лижет мне руки и осторожно хватает зубами за полу пальто. Ну вот.